

Текст · 12 июля 2024, 14:36

Сергей Смирнов,

«Усилиями долбоебов из Генпрокуратуры оказался рядом с титанами». Интервью Ивана Филиппова, автора запрещенной книги о зомби-апокалипсисе в Москве

Генпрокуратура потребовала изъять из продажи роман Ивана Филиппова «Мышь», действие которого происходит в Москве во время зомби-апокалипсиса. В книге среди прочих упоминаются патриарх Кирилл и пропагандистка Маргарита Симоньян. В художественном тексте прокуроры нашли «угрозу массового нарушения общественного порядка и общественной безопасности». Главный редактор «Медиазоны» Сергей Смирнов поговорил с Иваном Филипповым о возможных причинах запрета книги, Z-литературе и внезапном успехе романа, на который автор никак не рассчитывал.

— Когда и как ты узнал об этой бумаге из Генпрокуратуры?

— Я узнал об этом от своего издателя вчера вечером. Он мне прислал текст, который получил книжный магазин Бориса Акунина с комментарием, что книжный магазин Бориса Акунина, конечно, ничего удалять не будет. Борис Акунин про это только что написал пост отдельный, за что ему огромное спасибо. Про меня, про «Мышь» и про Роскомнадзор.

— Как ты относишься к формулировкам Генпрокуратуры? Они пишут, что в книге содержатся «ложные сообщения об актах терроризма или иная недостоверная общественно значимая информация», как бы «информационные материалы, направленные на дестабилизацию общественно-политической обстановки в России». Как ты оцениваешь, что у тебя буквально все это в художественной книге, как ты запихнул это все в художественную книгу?

— Формулировки, конечно, совершенно безумные. И понятно, что ситуация не очень смешная, но я над ними, конечно, ржал. Потому что это, простите, книжка про зомби-апокалипсис. В ней нет призывов ни к хорошему, ни к плохому. Она вся целиком, от начала до конца, мной выдуманная.

Да, конечно, при зомби-апокалипсисе, вероятно, происходят те вещи, которые перечисляет Генпрокуратура. Даже, наверное, кредитно-финансовые учреждения не работают. Но это фикшен, зомби не существует. Я понимаю, что для Генпрокуратуры, может быть, это будет новостью, но тем не менее.

А если говорить серьезно, ты читал книжку и понимаешь: там при должном желании и широте трактовки современного законодательства можно много чего найти. Книжка антивоенная, я публичный. Почему выбраны именно эти предельно идиотские формулировки, честно тебе скажу: не знаю.

— Как ты думаешь, что в итоге послужило окончательной причиной запрета? Все-таки книга достаточно долго продавалась, даже после того, как тебя признали иностранным агентом. А вот сейчас сама Генпрокуратура занялась, не какой-то прокурор региональный или районный. У тебя есть какие-то версии, почему именно сейчас?

— Я думаю, что основная причина — это мой канал «На Западном фронте без перемен», который, честно говоря, выставляет российскую армию в предельно неприятном свете. Делает это путем цитирования людей, которые войну поддерживают, что, мне кажется, тоже не добавляет никому никакой радости. И в этом канале я несколько раз писал про «Мышь» и давал ссылки на «Озон».

До того как по жалобам зетников ее с «Озона» сняли, было продано шесть тиражей. Издатель мой говорит, что они продавались со скоростью 300 книжек в час, что очень много. И я думаю, что, кроме раздражения естественного, там еще все-таки есть, конечно, компонент зависти.

Сами зетники очень активно говорят, что их книжки никто не покупает, никто читать не хочет, им нужна помощь государства, потому что иначе ничего не получается. А тут какой-то Филиппов, который иностранный агент, который антивоенный, и книжки его замечательно продаются, ведет этот неприятный им канал. И в этом неприятном канале рассказывает, что уже седьмой тираж его книжки продается очень успешно. В то время как сборник звезд Z-поэзии даже с рекламой на «Госуслугах» продается не очень. Я подозреваю, что «Мышь»

продалась в принципе больше, чем вся Z-литература, опубликованная с начала войны.

— Ты общие цифры не называешь, насколько я понимаю, из-за договора с издателем?

— Да. Могу только сказать, что 300 книг в час на «Озоне» продавалось.

— Как ты думаешь, на тебя доносы писали в Генпрокуратуру? Как это было вообще? Ты видел доносы какие-то публичные на свою книгу и на себя лично?

— Да, вчера вышел прямо конкретный донос в телеграм-канале «Клевета». Пост, сформулированный именно как донос.

— То есть думаешь, они все-таки достучались до Генпрокуратуры? Опять же, мы домысливаем, но тем не менее хочется понять логику.

— Я уверен, что кто-то достучался. «Царьград» про меня гадости писал, про «Мышь». Есть такой очень маленький, но очень мерзкий телеграм-канал «Культурный фронт Z». Они меня прямо искренне ненавидят. Они как-то публиковали расследование моей «преступной деятельности» в семи частях. Это прямо я с огромным интересом прочитал. Z-каналам «Мышь» очень не нравится.

— А как они объясняют популярность книги? Они сами задают себе вопрос, почему их Z-творчество непопулярное, а твоя книга так отлично продается?

— Нет, они не задаются такими вопросами.

— То есть просто так вышло?

— Да-да-да. С другой стороны, они всю последнюю неделю очень жалуются, что у них неправильный народ, который не поддерживает войну. Столько текстов про зажравшееся общество тыловое, обывателей, которые не помогают фронту, не идут воевать.

— Раньше это было предметом для шуток про либеральные реформы, что «народ не тот». И сейчас Z-пропагандисты буквально говорят про «не тот народ», это их ключевая мысль?

— Я, наверное, не скажу, что это ключевая мысль. Просто ключевая мысль для них: на фронте не хватает людей, всего на свете, транспорта, боеприпасов и так далее. Но это тоже один из меседжей про «не тот народ».

— Тебя объявили агентом. Ты это связываешь со своим каналом, или в том числе с книгой, или все вместе?

— Я могу процитировать [причину включения в реестр Минюста]: «распространял недостоверные сведения, направленные на формирование негативного образа Российской Федерации, а также Вооруженных сил Российской Федерации. Выступал против специальной военной операции на Украине». Ну да, я это все и делал.

— Давай немного о романе. Ты его писал, как мне кажется, в другой реальности. Еще Алексей

Навальный был жив. Заканчивается книга очень положительно, это небольшой спойлер. А в начале на эту книгу была какая-то острая реакция со стороны властей? Или они предпочли ее не заметить, думая, что она пройдет мимо?

— Ее никто из власти не заметил, вообще никто не заметил. Ее заметили читатели, она хорошо продавалась все время. И бестселлером она в формальном смысле этого слова стала до того, как появилась на «Озоне». Никаких [реакций] со стороны властей и даже со стороны зетников не было, что-то редкое было.

— То есть эта кампания все-таки из-за того, что книга появилась в продаже на «Озоне» и хорошо там продавалась? По большому счету вышло так, что они посмотрели на популярность и решили возмутиться?

— Думаю, да, потому что других объяснений нет.

— Не было ли у тебя случайно каких-то отзывов от потенциальных героев книги? Все-таки там у тебя и Маргарита Симоньян есть среди героев, и судьба у нее незавидная. Ни с чем таким не сталкивался? Может быть, это буквально какая-то личная обида или месть?

— Я пока об этом не слышал. И у меня ощущение, что те герои, которых ты упомянул, книжку не читали. Они даже не читали описание, они ничего этого не знают. Они все-таки в стратосфере. А мы говорим про тех, кто на самой низшей ступени Z-пирамиды.

— Книжка запрещена. Какие планы дальше?

Во-первых, она еще продается, я правильно понимаю, в одном из магазинов?

— Да. Она продается в магазине «Эхо». Во-вторых, мой издатель уже написал пост, в котором он сказал, что там какой-то невероятный всплеск продаж, связанный с запретом. Вот эта цитата, это Георгий Урушадзе у себя в фейсбуке написал: «Не знаем, что за издательство *Freedom Letters*, но у него рекламный агент — сам генпрокурор. Вы не представляете, какой у нас всплеск продаж "Мыши". И так-то она улетала с невероятной скоростью 300 экземпляров в час. А уж после требований господина генпрокурора...». Книга продавалась и продается в русских магазинах за границей.

— Для тех, кто за границей, это же отличный способ еще раз продемонстрировать отношение к государственной политике и купить книгу, например.

— Я буду очень благодарен. Она есть на *Amazon*, она есть на сайте издательства, она есть в огромном количестве книжных магазинов. Например, в Тбилиси она уже кончилась всюду, кроме одного книжного, в котором осталось четыре экземпляра.

— Ты сам ожидал, что все так выйдет?

— Послушай, я человек с синдромом самозванца. Я всегда во всем сомневаюсь. Был абсолютно уверен, что [роман] пройдет незамеченным. Тем более это вторая книжка. Вторая книжка, так же как второй фильм, — это всегда особого рода испытание. Первая была хорошая, успешная, но, как бы, даже рядом

не лежала с тем, какой стала «Мышь». И это было для меня не просто неожиданностью, это было для меня абсолютным шоком. Я понимаю, что есть писатели, наверное, режиссеры, которые ждут, что их творчество станет хитом. Но про себя я вообще никогда бы в жизни такого не сказал. Я только сомневался и волновался. Это были мои два главных чувства.

— По большому счету твой роман, он в буквальном смысле входит в историю и продолжает такую традицию борьбы российской власти с литературой. XIX век, XX век, в XXI веке ты буквально подхватываешь вот это знамя. Какие это вызывает у тебя чувства?

— Шок, растерянность, ощущение, что что-то кто-то перепутал. Потому что где я, где русская литература, история русской литературы? Пожалуй, так. Я польщен тем, что я не собственными, наверное, достоинствами и трудами, а усилиями долбоебов из Генпрокуратуры оказался рядом с титанами. Мне это очень приятно, лестно и важно. Хотя, конечно, это не заслуги.

Редактор: Дмитрий Трещанин